

ТРОГАТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ СЕМЬИ КРЫЛАТОВЫХ

XXXI
4
МАРИНИЧЕВА О.

Чтобы понять друг друга, иногда достаточно прикосновения

12

Уважаемая редакция!

Мне сейчас очень плохо, не знаю, что делать. Люблю парня, но он глухонемой. Чувствую, что он страдает, потому что мы не можем понять друг друга. Помогите понять его язык. Я больше не могу встречаться с ним и молчать — слезы сами катятся. Он же видит это! Может быть, есть люди, которые откликнутся на мою просьбу, умоляю! Мне больше не к кому обратиться.

Наташа.

Джамбул.

Письмо это я взяла с собой, отправляясь в гости к москвичам Юре и Наташе Крылатовым. Но так уж получилось, что рассказ об этой необычной семье вышел за рамки простого ответа на отчаянный вопрос девушки из Джамбула.

...Они очень не похожи. Юра по натуре человек взрывной и горячий. Наташа, напротив, — воплощение покоя, терпения, уюта. В ответ на ласковый взгляд ее серых глаз нельзя не улыбнуться: улыбаюсь, но тут же спохватываюсь — она ведь эту улыбку все равно не увидит... Наташа с раннего детства лишена зрения и слуха. Ни разу в жизни она так и не видела ни мужа своего, ни обеих своих дочек, десятилетнюю Хильду и девятилетнюю Дину. Но, похоже, это ничуть не мешает семейному счастью, которое сразу, с порога чувствуется в этом необыч-

ном доме со слепоглухой хозяйкой, мамой и женой.

Вскоре привыкаешь и к особому общению в этой семье: Юра и девочки разговаривают с Наташей на дактиле, то есть прикасаясь к ее ладони своими пальцами в различных комбинациях, заменяющих буквы. Читает Наташа тоже кончиками пальцев, водя ими по бумаге с проколотыми точками, комбинации которых также означают различные буквы. Этот шрифт называют брайлевским, по имени его создателя Луи Брайля. А отвечать на дактильную (пальцевую) речь Наташа умеет вслух, хотя и не очень внятно — устной речи искусственно обучают слепоглухих детей в институте дефектологии.

— Помочь обучить средствам общения с глухими мы можем, — говорит Юра. — Но хватит ли у этой девушки и ее парня решимости быть вместе, уверенности в себе? Ведь окружающие очень агрессивно настроены против таких союзов, нам до сих пор многие не могут простить сам факт существования нашей семьи. Накануне нашей свадьбы «доброжелатели» выкрали Наташин паспорт, забрасывали ее анонимками, где говорилось о том, что я хочу жениться на ней только ради прописки, после чего сразу ее брошу. Я понял: физические отличия людей, такие, как слепота, глухота, по-

(Окончание на 3-й стр.)

Фото Олега КОРОЛЕВА

чему-то обывателей задавают гораздо сильнее, чем различия расовые, культурные, идеологические! И я не желаю той девушке попасть в такое трудное положение. Мы выстояли, хотя до свадьбы знали друг друга совсем немного.

Двенадцать лет назад Юра прочел в журнале для слепых статью Наташи. Она к тому времени уже окончила психологический факультет МГУ вместе с еще тремя выпускниками Загорского детского дома для слепоглухих детей. (С тех пор этот опыт, к сожалению, остается уникальным в нашей стране. Некому продолжить его после преждевременной кончины его вдохновителя, ученых Мешерякова, Ильенкова, Леонтьева, Кедрова...) Наташа с горечью писала в журнале, как трудно ей работать по специальности, в институте педагогической психологии, где для нее были недоступны даже самые необходимые научные работы, исследования; ее лаборанты, секретари слепоглухих сотрудников то и дело давали им понять, что пришли заниматься наукой, а не быть поводырями инвалидов.

Юра отправил Наташе на адрес журнала толстое письмо, уже выучив к тому времени азбуку Брайля.

— Я получила это брайлевское письмо и удивилась, что писал его зрячий человек. И тогда я подумала, что если зрячий овладеет Брайлем, чтобы написать мне письмо, то наверняка... — Наташа не скунду лукаво смущается, — у него были на это веские причины.

Они стали переписываться. С предельным открытием и доверием. Письма эти начала восьмидесятих до сих пор бережно хранятся в огромном ящике — кипа листов плотной бумаги, испещренной точками.

А потом Юра неожиданно приехал в Москву. Наташа его не ждала. Юра очень волновался: узнает ли она его? В своей дактильной речи он тогда еще не был уверен. Но Наташа сразу почувствовала: это он, и сказала: «Здравствуйте, Юра. Проходите».

— Может быть, я бы и не решил приехать, но подал, что могу помочь ей преодолеть изоляцию в науке, если буду преподавать для нее Брайлем требующуюся научную литературу. Конечно, я и сам боялся этой встречи: вдруг увижу такую чопорную научно-исследовательскую даму с амбициями? Но Наташа оказалась очень естественной и непосредственной. Было и еще одно опасение: увижу калеку. Но это тоже был ложный страх. Я увидел настоящую женщину, милую и очаровательную.

На следующий день первое, что они с Юрой сделали, — поехали в библиотеку для слепых и набрали книг, интересны обоим. А после библиотеки махнули в любимый Наташи музей имени Пушкина, ей очень хотелось показать Юре лучшие скульптуры Родена и Фальконе. Там им с трудом, но удалось таки упростить строгую музейную даму разрешить Наташе «посмотреть» скульптуры через платок, то есть на ощупь. Особенно им полюбился фальковский Купидон с озорным, смеющимся личиком. А через несколько лет они пришли к этой скульптуре уже со своими детьми: младшенькая, Дина, приложила пальчик к губам, и оказалось, что их живой амурчик несколько не уступает мраморному ни по красоте, ни по озорству. А в тот, в первый, вечер, обнувшись из музея, они оба поняли: они — муж и жена. Они поняли, что впереди у них — много интересных общих дел, поисков и открытий.

Эти Наташины слова мне напомнили о традиции соратничества, когда люди объединялись в семьи во имя служения общей идее цели... Очевидно, подспудный эталон для этого — семьи российских революционеров, завовавшие не одно поколение интеллигентов уже в советской истории нашей страны.

Но в семье Крылатовых у этого героического идейного пафоса не нашло. Как, впро-

чем, и обязательных стереотипов уже нового общества, по которым ценность, успешность семьи оценивается уровнем ее доходов. Уровень развития личности — вот что для Юры и Наташи по-прежнему стоит гораздо выше, чем уровень материального достатка.

...Коридоры их квартиры заполнены гимнастическими снарядами-лесенками, так что Хильда с Диней весело отвечали на мой вопрос о верхоуру, ловко устроившись под самым потолком. Речь этих девочек удивляет взрослостью оборотов, почти книжной правильностью. По телефону незнакомые люди, в том числе и я, принимают их за вполне взрослых девушек. Они уже сейчас, кроме русского и дактильной речи, дома общаются на польском языке (и у мамы, и у папы предки — выходцы из Польши). Знакомы они и с латынью. По вечерам Юра берет гитару, маленькая Дина — «фуярку» (то есть

учился параллельно со звуковой речью, обращенной к папе. Правда, сначала немного тревожило, как она после пальцевого алфавита сумеет перейти к обычному, буквенному. Хильда было три с половиной года, когда она, листая книгу с картинками, вдруг спросила: «Готчас?!» Юра объяснил, с изумлением обнаружив, что девочка как-то чудом сама научилась читать, только при этом шевелила не губами, как все начинающие читать дети, а пальчиками, «подкрепляя» чтение букв в книге их тактильными пальцевыми изображениями.

Может, и секрет нынешней безупречно ясной, правильной речи девочек и такого же ясного, четкого мышления — как раз в их раннем, невозможном с точки зрения официальной науки, овладении дактилем — одной из форм письменной, книжной речи? Впрочем, эта семья вообще

цпи о диктантах. Оказалось, ее составлял еще Ушинский. Ездил он и в педагогическую библиотеку имени Ушинского, но исключительно ради дореволюционных учебников. Часами сидел в читальном зале, переписывая от руки уроки латыни или древнегреческого. Потом дома перепечатывает их на машинке.

— Жаль, нет у нас компьютера, мы люди небогатые...

Впрочем, в его бумагах я уже видела огромный рулон ватманских листов с чертежами самодельного компьютера. Исключительно ради этого, создавая свой мир исключительно своими руками и головой, вместе со своей семьей — это его позиция, а может, даже и вызов. По крайней мере в этом, на мой взгляд, куда больше мужской доблести, чем просто в умении делать деньги.

... — Я не чувствую себя в семье глухой и слепой, — призналась Наташа.

Готовить — ее любимое занятие. На это время домашние изгоняются из кухни, чтобы она не боялась никого ошпарить или обжечь. Стирка, уборка, шитье — тоже ее привычные дела. Но больше всего Наташа любит читать: к сожалению, не хватает специально изданных книг, поэтому часть книг ей читает дочери, переводя прочитанное на дактиль, а самую необходимую литературу переводит Юра, перепечатывая тексты по Брайлю.

Каждое воскресенье они всей семьей ходят в костел, причем и здесь Наташа не чувствует себя изолированной: Юра каждый раз переводит ей полностью. Он же научил Наташу английскому языку, изобретая для этого собственную методику, ведь опыта обучения слепоглухих иностранному языку попросту нет в России. Крылатовы работают в институте педагогической психологии. И все же основная, в том числе и научная, работа для обоих — их дом, семья. Ради Наташи Юра не просто овладел, но стал мастером, виртуозом в дактильной речи, в брайлевской азбуке, что привело к созданию собственного учебника «Азбука чутких рук», а также уникального букваря для слепых. Он создал множество пособий, включая собственную методику обучения обычных детей на основе кинестезии (мышечно-двигательного чувства), по которой у них идут занятия в их домашней школе.

Все свои идеи Юра первым делом обсуждает с Наташей, доверяя ее безошибочным и честным оценкам. А по вечерам, когда дети уже спят, Юра с Наташей ведут долгие философские диспуты, последний был, например, о природе комплекса неполноценности. В оценках людей Юра тоже привык полагаться на чутье Наташи, способности всего лишь по прикосновению руки узнать о человеке больше, чем зрячие и слышащие. «Детектор правды» — так Наташа назвала свои стихи об этом:

...Расскажет все прикосновенье рук: Кто человек чужой, а кто мне — друг; Все вижу из безмолвной темноты; Дай руку мне, — и я скажу, кто ты.

Эти стихи Юра поставил эпиграфом к своей «Азбуке чутких рук». По этой книге, кстати, можно научиться общению с глухим человеком — Крылатовы готовы помочь в этом девушке Наташе из Джембула. И не только ей, но и всем, кто ищет способы общения друг с другом наперекор тяжким недугам. Может быть, их усилия помогут людям стать хоть немного ближе друг к другу, что так необходимо в наше время отнюдь не только слепым и глухим...

Трогательное счастье семьи Крылатовых

флейту), и все трое с удовольствием поют «Пуйне Висла по польской крайине...».

А еще девочки показали мне расписание своих занятий на неделю: систематика, риторика, арифметика, библиотечка, польский язык, геометрия, латынь, стенография, машинистка... И в конце каждого дня — самоанализ. Нет, они не в колледже учатся, не в лицее, не в платной частной школе. Это просто такая домашняя школа у них. Папина. И мамина тоже. Крылатовы не отдали детей в обычную школу, посчитав более естественным учить их самостоятельно, дома.

Причем обучение началось с самого раннего, младенческого возраста. Просто в ожидании первого ребенка, Хильды, они заранее думали над этой проблемой, заранее решали эту творческую задачу: общение слепоглухой мамы с ребенком. И это общение оказалось возможным!

— Я почему-то была уверена, что суметь и ухот окормить, и кормить, и развлечь свою кроху. — говорит Наташа. — Но тут, конечно, заволновались наши бабушки, решили помочь по-своему. А попросту — полностью меня отстранить от ребенка. Такая постановка вопроса мне не понравилась. Я все-таки детский психолог по образованию и знаю, что могу построить общение с ребенком, только если постоянно чувствую его. Короче, бабушек мы скоро отправили по домам отдавать, и с младенцем я управлялась сама.

...Все же специалисты утверждали, что содержательный контакт ребенка с Наташей все равно невозможен, ибо дактильную речь, основанную на буквах и потому, по сути, являющуюся письменной речью, ребенок способен выучить только к 10—11 годам, уже на базе знания обычных букв.

Но Юра с Наташей опять не послушались специалистов. Как только малышке перестали пеленать руки, они занялись с нею «игрой в пальчики». Для каждой дактильной буквы подбирали игровые и звуковые сюжеты (например, дактилема «Г», когда указательный палец вытнут вперед, а большой — в сторону, превратилась в обозначение летящих гусей с криками «га-га!»), и в эти пальчиковые игры малышка была готова играть с утра до вечера. Так что пальцевой азбуке для разговора с мамой она

что-то вроде своеобразной научной лаборатории, хотя в ее основе — не жажда эксперимента, а просто необходимость, здравый смысл, свобода от стереотипов и деятельная, созидательная любовь, побеждающая все преграды.

В этой необычной школе Крылатовых — разделение труда. Математику, логику, изучение Библии (Юра с Наташей католики), шитье, вязание и кулинарию ведет мама. Остальное — папа. Причем, бывает, очень важные занятия происходят спонтанно, вне расписания.

Они не планируют, где и когда вспыхнет костер детского интереса, да и можно ли это спланировать? Но их дело, образно говоря, дрова и хворост.

Как-то Юра купил Наташе сережки, девочки пришли в восторг и попросили такие же. Как только они их получили, посыпались вопросы: а как называются камешки в жем, а бывают они голубые, желтые, зеленые?

Пришлось папе лезть в энциклопедию. Изучали все о камнях, что могли найти. Дина не отстает: а где можно топаз посмотреть? Что ж, если загорелся костер — только успевай подбрасывать хворост. Поехали с папой в минералогический музей. Домой Дина вернулась огушенная впечатлениями. И если бы это была последняя поездка!.. Николай Федорович, покойной научный сотрудник, бросает все дела, чтобы отвечать на вопросы маленькой девочки. Ведет ее в запасники, сам в отблеске от их беседы, на обратном дороге попадает на глаза «Справочник минералогических терминов», тут же его покупает, и дома — опять шквал вопросов. Уже о водороде, углероде. Что ж, надо ехать в магазин за таблицей Менделеева.

И таких историй в этой семье — множество.

— Разве может наробраз решать за моего ребенка, что ему интересно? — спрашивает Юра. — Ведь эти вопросы — от Бога. А в школе дают ответы на вопросы, которые ребенок НЕ задавал. И тогда ребенок вообще перестает задавать вопросы — ему неинтересно. А ведь интерес — его главный стержень, без него ребенок становится умственным калекой, маленьким старичком.

Из сотен, тысяч наробразовских документов, учебников Юра забраковал все, кроме очень толковой инструк-